

Глава 27. Смертельная викторина в день лавины

Фотография в руках Ли Цзяньчуаня обратилась в вязкую лужицу крови.

Багровые капли лениво заскользили между пальцев, срываясь вниз. Мужчина нахмурился и, стряхнув остатки липкой влаги, поднес ладонь к лицу. В нос ударил отчетливый металлический запах человеческой крови, но более никаких зацепок это не дало.

Он небрежно вытер руку о простыню, которая и без того была перепачкана вонючей бурой жижей, и уже собирался вернуться к осмотру улики, как вдруг заметил изменения на письменном столе.

В сумраке, где свет казался лишь призрачным маревом, произошло нечто странное.

Стоило последнему снимку окончательно истаять кровавым пятном, как на том самом месте, где прежде лежала записка, медленно проступили очертания тяжелого тома в твердом переплете. Обтянутая кремовой кожей обложка с потускневшим золотым тиснением излучала ауру чистоты и святости — резкий, почти болезненный диссонанс на фоне этой удушливой, пропитанной смертью камеры.

Ли Цзяньчуань открыл книгу. Это оказался сборник стихотворений.

Оглавление отсутствовало.

Он начал медленно перелистывать страницы, пока на сто пятьдесят третьей и двести сорок четвертой не наткнулся на те самые строки, что читал прежде. Ли попробовал произнести их вслух, понизив голос, но карцер остался безучастен. Тем не менее было очевидно: подобный артефакт не мог появиться здесь без веской причины.

Ящик стола всё еще надежно охранял шестизначный кодовый замок. Последние несколько десятков часов Ли Цзяньчуань методично перебирал комбинации, понимая, что без подсказки это превращается в безнадежную лотерею с миллионом вариантов. Шанс на успех был ниже, чем выигрыш в джекпот, но за неимением иного он продолжал крутить диски замка, просто чтобы занять руки.

Номера страниц — 153 и 244 — он проверил в первую очередь. Ожидаемо, замок не поддавался.

«Пароль всегда связан с цифрами, — размышлял он, и в глубине его зрачков вспыхнул едва заметный голубоватый отблеск. — Но где они спрятаны?»

Его взгляд скользил по железной двери, столешнице, пустым местам от фотографий, кровати и часам. Тщетно. Решение головоломок никогда не было его сильной стороной. Куда приятнее было бы сейчас просто расслабиться и наблюдать, как Нин Чжунь виртуозно щелкает

подобные задачи.

Ли Цзяньчуань раздраженно откинул со лба мешавшую прядь волос и снова впился глазами в раскрытую книгу.

Постепенно, даже будучи бесконечно далеким от высокой литературы, он начал улавливать странности в знакомых текстах. Возможно, на него давила атмосфера этого места, но образы в стихах казались пугающе двусмысленными, почти осязаемыми.

Первое стихотворение принадлежало Георгу Траклю — «Зимняя ночь». Когда Ли впервые увидел его в туннеле, он не знал ни автора, ни названия. Теперь же страницы книги открыли ему истину:

«Снег в окно летит, неслышен,

Колокол вечерний долго бьет.

Дом уже в порядке,

Стол накрыт для пышной трапезы.

Скитальцев лишь немногие

Идут от темных дорог к дверям.

Древо милости сияет золотом,

Впитывая хладную росу земли.

Странник тихо входит,

Боль окаменила порог...»

Слова не давали прямых ответов, но Ли Цзяньчуань кожей чувствовал — это стихотворение описывает их Игру.

Снег. В этом игровом мире они заперты в бесконечном цикле Снежной лавины. Он вспомнил сообщение Хань Шу: «Под лавиной ни одна снежинка не чувствует себя виноватой». Между этими образами явно прослеживалась связь.

Колокольный звон, дом, накрытый стол, темные тропы и странники... Каждая деталь могла соответствовать реальному элементу их приключения, но пока у Ли были лишь догадки, лишенные твердой опоры.

Он погрузился в раздумья и перевернул страницу ко второму стихотворению. Этого автора он узнал сразу — Иосиф Бродский, «24 мая 1980 года».

«За неимением дичи, я в клетки вошел занять

их пустующее пространство...»

Оказавшись в этом проклятом каменном мешке, Ли уже осознал горькую иронию этих строк. Здесь он и был тем самым «я», добровольно вошедшим в клетку. Но стихотворение говорило не только о тюрьме, но и об изгнании:

«...С ледникового пика я взирал на полмира, на ширину

земли. Дважды тонул, трижды был выпотрошен ножом.

Покидал страну, что меня вскормила.

Те, кто забыли меня, могли бы составить город.

Я брел по степям, где кричали скачущие гунны,

носил одежду, что снова вошла в моду,

сеял рожь, крыл дегтем крыши конюшен и хлевов,

не пил ничего, кроме пресной воды.

Я впускал в свои сны, в их сырые, дурные сны,

третий глаз тюремщика... Хлеб изгнания жевал...»

Этот фрагмент заставил Ли Цзяньчуаня насторожиться. Если стихи были ключом к его нынешнему и будущему положению, то, помимо карцера, его ждало нечто иное. Но пока намеков на возможность выбраться не было.

Он сжал переносицу, глядя на страницы, и в этот момент искренне пожалел, что прогуливал

уроки литературы в школе.

Время неумолимо ускользало.

Узкая полоска света из окошка двери медленно меняла свой угол и интенсивность, пока окончательно не начала тонуть в густой, удушливой темноте, напоминающей глубины океана. Однако в самый последний миг, прежде чем мрак окончательно поглотил комнату, прощальный луч скользнул по столу, коснувшись раскрытой книги.

Слабый свет упал на пожелтевшие страницы, выхватывая отдельные фразы. И три строчки вдруг вспыхнули, впитав в себя это сияние и окрасившись в бледное золото.

Мужчина мгновенно подобрался, отбрасывая посторонние мысли. Ли не бросился к книге сразу, а, повинаясь интуиции, резко вскинул голову к часам.

Ровно девять вечера.

Первое стихотворение находилось на 153-й странице. Сумма цифр — 1, 5 и 3 — давала девять. Его обостренное чутье на числа моментально выстроило логическую цепочку.

«Случайность? Вряд ли».

Он взобрался на кровать, пытаясь разглядеть что-то в окошке двери, но снаружи по-прежнему царил пустота. Источник света был неуловим.

На столе сияли три золотые строки:

«Снег в окно летит, неслышен»

«От темных дорог идет к дверям»

«Боль окаменила порог»

Ли Цзяньчуань впился в них взглядом так, словно хотел прожечь бумагу насквозь. В такие моменты ему катастрофически не хватало интеллекта Нин Чжуня.

Если его теория верна, то сумма цифр страницы второго стихотворения должна указывать на время активации следующих подсказок. $2+4+4$ — это десять. Десять часов утра.

Ли перевернул страницу и приготовился ждать. Очевидно, речь шла не о часе ожидания, а о следующем цикле появления света. Тринадцать часов томительного бездействия в каменном

мешке могли бы сломить любого, но терпение всегда было главным оружием игрока. Отчаяние рождается там, где нет зацепок, но даже призрачный шанс делал его волю тверже алмаза.

Следующие тринадцать часов пролетели незаметно. За это время его «прошлое я» снова посетило дверь, и он в очередной раз убедился, что ничего не может изменить в этой временной петле. Свет начал пробиваться в девять утра, но буквы оставались серыми. Лишь когда минутная стрелка коснулась десяти, магия повторилась.

Во втором стихотворении тоже вспыхнули три строки:

«За неимением дичи, я в клетки вошел занять»

«Дважды тонул, трижды был выпотрошен ножом»

«Мои легкие полны звуками, кроме воя»

Ли Цзяньчуань замер на несколько минут, анализируя увиденное, а затем вернулся к первой странице.

Первое стихотворение: строки содержали 9, 9 и 10 иероглифов в оригинале.

Второе стихотворение: 14, 14 и 16 иероглифов.

«Девять, девять, десять. Четырнадцать, четырнадцать, шестнадцать».

Если это пароль, то он должен состоять из шести цифр. Ли привычно начал складывать двузначные числа: 9, 9, 1 (из 10), а затем 5 (1+4), 5 (1+4) и 7 (1+6).

9-9-1-5-5-7.

За время своего заточения он привык преобразовывать всё вокруг в цифры, пытаясь подобрать ключ. Иногда ему даже казалось, что во время короткого сна его мозг продолжает лихорадочно вращать невидимые диски замка.

Ли Цзяньчуань опустил на одно колено и в полумраке сосредоточенно выставил цифры на замке.

Сухой, едва слышный щелчок. Шестой диск встал на место.

Щёлк!

Пружина сработала, и замок наконец раскрылся. На миг Ли застыл, не веря собственным глазам — чувство было сродни тому, что испытывает путник в пустыне, наконец увидевший оазис. Спустя пару секунд он с размаху ударил кулаком по этому замку, который мучил его столько времени.

Металл содрал кожу на костяшках, выступили капельки крови. Но Ли не почувствовал боли. Он лишь тяжело выдохнул, чувствуя, как вместе с этим выдохом из него уходит вся скопившаяся ярость.

«Своевременная разрядка полезна для психики», — убеждал он себя. Правда, если рядом был Нин Чжунь, такие разрядки имели свойство принимать совсем иной характер.

Запах ржавчины и крови отрезвлял, возвращая мыслям кристальную ясность. Он вытер лицо и открыл ящик. Тот был почти пуст: лишь сложенная узорчатая записка и хирургический скальпель с идеально наточенным лезвием.

Ли проверил дно — тайников не было. Он взял скальпель, развернул бумагу и впился глазами в текст.

«Ключ к выходу — в сердце возлюбленного».

В ту же секунду его сердце пропустило удар, а по телу пробежала волна дурного предчувствия. Он невольно прочитал эти слова вслух, и в тот же миг, словно повинувшись чьему-то приказу, обернулся к кровати.

Там, где секунду назад была лишь грязная простыня, теперь лежал человек!

Ли Цзяньчуаню не нужно было присматриваться, чтобы узнать его. Это был Нин Чжунь.

Как он здесь оказался? Где пропадал всё это время? И как его появление связано с этим зловещим посланием в его руках?

Вопросы роились в голове, сменяя друг друга, но Ли заставил себя замолчать. Дыхание Нин Чжуня изменилось — стало чуть чаще. Он приходил в себя.

Мужчина подошел к кровати, сжимая в руке скальпель, и замер, глядя на бледное лицо доктора. В этом игровом мире внешность Нина изменилась. Без его пронзительных, темных глаз, скрытых сейчас веками, он казался почти чужим. Этот новый облик выглядел болезненным и хрупким, в нем не было той властной, хищной ауры, которую Нин Чжунь сохранял, даже когда притворялся слабым, завлекая в свои сети.

Ли Цзяньчуань помедлил, затем поднес записку к губам, быстро разжевал её и проглотил. Слишком опасная информация.

После этого он лезвием скальпеля осторожно коснулся щеки Нин Чжуня. Тот вздрогнул от холодного прикосновения металла, словно озябший зверек, и с трудом открыл глаза.

Мимолетная тень растерянности в его взгляде мгновенно сменилась ледяной, острой настороженностью. Но стоило его глазам сфокусироваться на лице спутника, как в них воцарилось спокойствие.

— Брат, ты скучал по мне?

Чистый, с легкой хрипотцой голос, в котором слышалась едва уловимая улыбка и мимолетная насмешка, прозвучал в тишине камеры почти интимно. В нем сквозили одновременно холодность и странная, необъяснимая близость.

Ли долго смотрел в эти глаза, чувствуя, как напряжение в его теле медленно спадает. Он убрал скальпель и, наклонившись, подхватил Нин Чжуня на руки.

— Кровать грязная.

<http://bllate.org/book/15871/1442182>